

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П79

Серия «Фэнтези-коллекция»

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

П79 Прозоров, Александр Дмитриевич

Князь: Зеркало Велеса. Заклинатель. Золото мертвых: сборник / Александр Прозоров. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2017. — 768 с. — (Фэнтези-коллекция).

ISBN 978-5-17-100959-5

Общий наркоз стал для Андрея Зверева воротами в иной мир. Придя в себя, он обнаруживает, что находится в боярском имении недалеко от Великих Лук и что здесь все считают его сыном боярина Павла Лисина. После недолгой растерянности он пытается изменить свои знания человека двадцать первого века, дабы снискать славу и известность.

Но вскоре Андрей узнает, что провалился в прошлое не по прихоти природы, а стараниями нелюдимого волхва Лютобора, живущего на ближнем болоте. Андрей требует от колдуна вернуть его обратно в будущее. Если бы он знал, к чему приведет это пожелание!

Вместе с княжеским званием Андрей получает имение на Сакульском погосте, на берегу Ладожского озера. Увы, его имение оказывается на пути шведских войск, рвущихся к Валаамскому монастырю. Из Новгорода же вместо помощи приходит предложение участвовать в заговоре против Ивана Грозного: князь Владимир Старицкий принял переселенца с южного порубежья за литовского сторонника. Выбор непрост: то ли вернуться в свой уютный двадцать первый век, то ли сражаться насмерть против сотен врагов в одном из самых глухих уголков еще совсем маленькой Руси.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100959-5

© Александр Прозоров, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017



КНЯЗЬ

Александр Прозоров



КНЯЗЬ

Зеркало Велеса
Заклинатель
Золото мертвых

Москва

Зеркало Велеса



Пролог

Поздней осенью семь тысяч пятьдесят третьего года от сотворения мира, незадолго до заката Куприянова дня* на левом берегу реки Большой Удрай, напротив Козютина мха, что раскинул свои топи верстах в тридцати на закат от Великих Лук, одинокая женщина натянула поводья чалого коня, останавливаясь возле самой воды. На вид путнице было немногим менее сорока, волосы закрывал темный пуховый платок, сквозь который местами проблескивали жемчужины, на плечах ее лежал суконный, изрядно повыцветший и вытертый кафтан, ноги прятались в мягкие сафьяновые сапоги, тоже порядком поношенные и растерявшие вышивку — на голенище осталось только множество мелких дырочек да несколько алых и зеленых нитей.

Впрочем, если путница желала выдать себя за нищую селянку, получалось у нее плохо. На сжимающих поводья пальцах поблескивали несколько перстней с яркими самоцветами, жемчужная понизь и золото сережек просвечивали через платок крупной вязки; в оторочке рукавов и обшлагов кафтана легко угадывался благородный бобровый мех — слишком дорогой для смердов, обходившихся даже для праздничных одеяний простеньким горностаем, а то и вовсе белкой и лисицей. Да и золота в таких количествах селянке или горожанке ни муж, ни отец не подарят. Ладно серьги, ладно пара перстеньков, ладно понизь — но не все же сразу!

Да и кони у женщины были ладные, тонконогие и рослые, мало похожие на неприхотливых низких, брюхатых лошадок, которых и в плуг, и в возки запрягают, а при нужде и под седло подводят. Судя по поджарому брюху, кормили скакунов не только сеном-соломой, но и зерна изрядно в ясли подсыпали. Тонкие ноги и рост означали изрядную примесь туркестанской крови. А может

* В переводе на современный язык 13 сентября 1544 года.

статься, коней и вовсе из Бухары на продажу привели — тогда за них немало золота пришлось отсыпать. Без золота таких красавцев разве на меч, в походе взять можно. Но смерды в походы ратные не часто ходят, подобная добыча на их долю выпадает редко. Вот боярин родовитый такой дуван и захватить, и при себе оставить мог, на золото не менять. Но тогда и в седло мог только сам он подняться — либо супружница его, боярыня.

Шедший в поводу конь остановился и опустил голову, ткнувшись хозяйке мордой в колени. Путница охнула — скорее от неожиданности, чем от боли, — торопливо дважды перекрестилась, кинула быстрый взгляд на спину заводного скакуна. Там, накрытый по плечи овчиной, лежал темноволосый парень лет четырнадцати. Глаза его были закрыты, а дышал он тяжело, мучимый хворью.

Женщина вздохнула, перевела взгляд на Козютин мох, раскинувшийся по ту сторону реки. Пальцы ее, выдавая беспокойство, нервно затеребили темную кожу поводев.

День, несмотря на низкие серые облака, выдался теплый — но со стороны болота тянуло влажной прохладой, смешанной с запахом грибов и гнили. Да и чего еще от нее взять, от топи-то? Мертвое место. Разве что лягушкам да гадюкам в нем хорошо.

Через сочную, еще не пуганную первыми заморозками, прибрежную осоку к реке ныряла узкая тропка, чтобы потом выбраться по ту сторону Удрая и, обогнув камышовую поляну, уйти куда-то под низкие корявые березы. Стало быть, кому-то было дело и до топи, коли тропу пробили. Хаживает кто-то.

Путница и сама зачем-то пробиралась к берегу по этой тропе, но сейчас вдруг заколебалась, никак не решаясь двинуться дальше. То ли брода не знала, то ли воды боялась, то ли еще что беспокоило. Оно и понятно — место глухое. В омут ухнешься — подмоги не дозовешься.

Парень на заводном коне вдруг застонал, качнув головой из стороны в сторону. Женщина резко оглянулась, облизнула губы, после чего перекрестилась еще раз, вытащила на свет нательный крестик, с надеждой его поцеловала и пнула пятками брюхо коня, посылая его вперед.

Скаун недовольно фыркнул, однако с берега спустился и медленно двинулся по темной воде. Глубина выдалась всего ничего, до брюха река не достала — и меньше чем через минуту всадница оказалась на правом берегу. Следом, разбрызгивая холодные капли, на сушу выбрался и конь с хворым паренком.

Женщина опять замешкалась, словно никак не решаясь на некий опасный подвиг, с надеждой оглянулась на покинутый берег, но потом уверенно тряхнула поводьями, заставляя скакунов перейти на шаг. Лошади побрели по узкой тропинке, пробитой в высокой осоке, под копытами плотоядно зачавкала черная торфяная вода.

Тропа вела женщину за собой, виляя меж берез и тонких, как прутья, сосенок с желтыми иглами, то и дело круто уходя вправо или влево, а иногда и вовсе по широкой дуге в обратную сторону. То ли следы запутывала, то ли топи неведомые огибала. Одно хорошо — комары над болотом почему-то не вились. А то за час и зажать могли, высосать досуха.

Версты через три березы и сосенки остались позади, и перед путницей, за широким и ровным полем коричневого мха, заблестели многочисленные окна открытой воды. Тропинка вела вперед, но уже через несколько саженей ноги коней начали проваливаться, мох заколыхался, словно занавеска под резким порывом ветра, — и лошади, тревожно заржав, остановились, не поддаваясь ни на какие понукания.

Через несколько минут женщина сдалась, двинулась вдоль поля, у крайних березок, — и вскоре с удивлением обнаружила, что пересекает ту же тропу, по которой забралась в самую вязь. Наверное, это был намек на то, что следовало возвращаться обратно — но путница упрямо повернула вправо, в глубь болотных мхов. Верста, другая — и опять она оказалась перед бездонными окнами. В этот раз путница повернула в другую сторону — и через некоторое время вновь вышла к тропе.

Немного поколебавшись и глянув на предзакатное небо, упрямая гостя Козютина мха все же опять направилась к топям, заставляя коней все тем же мерным шагом месить тухло пахнущий торфяник и корни осоки.

В небе каркнул ворон. Он сделал над путницей стремительный круг, сложил крылья и упал на ветку совсем черной, с несколькими лишь белыми пятнами, березы, поднявшейся едва на высоту человеческого роста. Потоптался, склонил набок голову.

— К Лютобору я пробираюсь, — натянув поводья, сказала ему женщина. — Сказывали, с любой хворью он управиться способен. Сын у меня занедужил. Совсем плох... Спаси его, Лютобор, коли слышишь. Спаси, матью твоей заклинаю!

Ворон опять каркнул, упал с ветки и, расправив крылья только над самой землей, метнулся поперек тропы, взмыл над плотной

стеной ежевики, что поднималась слева в полусотне саженей, и умчался дальше, тяжело взмахивая крыльями. Женщина проводила его взглядом, подумала, а затем потянула повод, поворачивая вслед за птицей. Лошади, ощутив нетерпение всадницы, перешли на широкий шаг. Их ноги опять начали проваливаться глубоко в торф, зажурчала, разливаясь по сторонам, вода — но на этот раз скакуны беспокойства не выказали. Да и то уже сажен через тридцать земля стала тверже, болотная осока сменилась обычной травой.

Вблизи в стене ежевики неожиданно обнаружился просторный проход. Шел он не прямо сквозь кустарник, а наискось, так что с болота оставался не виден. За проходом начиналась новая тропа, более широкая и уже не торфяная, а глинистая. Еще через полверсты всадница увидела впереди поросший дубами взгорок и, облегченно вздохнув, перешла на рысь.

Вскоре кони вынесли ее на утоптанную глиняную площадку перед невысокой, в половину человеческого роста, пещерой, густо обросшей бузиной. По правую руку от площадки тянулись пять черных, уже пустых по осени грядок, за которыми виднелись еще пещера и два крупных, крытых дранкой лабаза. По левую — сразу за россыпью крупных валунов — начинался высокий густой малинник, уже растерявший свою листву.

Путница спешила, кинула поводья коней на ветки малины, покрутила головой, подергивая свисающие кончики платка. Никто к ней не выходил, никто не привечал, ни о чем не спрашивал. Тогда она сама двинулась к пещере, пригнулась, входя под закопченный свод.

Поперек пути, почти под самый потолок, оказались натянuty пологи. Два — сшитые из сыромятных пятнистых козьих шкур. Третьим, самым дальним пологом служила мягкая кошма, сразу за которой открывалось обширное логово. Потолок его находился на уровне пещеры, а к полу, что темнел на глубине добрых пяти саженей, вела вдоль стены длинная пологая лестница. Здесь пахло едким дымом, сосновой смолой и чем-то чуть сладковатым, дрожжевым, как от кадушки со сдобным тестом.

Освещалось помещение не свечами или факелами, а продолговатым камнем с сажень длиной и локоть в толщину, вмурованным в стену на высоте в полтора роста. Свет был слаб — при взгляде на колдовской валун глаза не испытывали никакого неудобства, — но благодаря ему в пещере царил не полная мгла, а слабый полумрак, в котором различались и ступени лестницы, и длинный

стол внизу, возле которого стояли две грубо сбитые скамьи. Чуть дальше тянулись многочисленные ниши с тuesками, кувшинами, баклажками, торбами, кожаными мешочками. Обложенный валунами очаг с рогатками для вертела располагался между двумя высокими кучами хвороста и сухих осенних листьев, и в нем еще тлели бурыми огоньками недогоревшие угли.

В конце лестницы гостью встретили два деревянных идола высотой по пояс, их рты были испачканы чем-то темным. Женщина охнула, испуганно перекрестилась — и в тот же миг груды листьев зашевелились, из нее появилась голова с вытянутым лицом и редкими седыми волосами на макушке.

— Что же ты непокойна так, боярыня? — прошептали бесцветные губы. — Коли пришла к богам исконным, отчего пришлых демонов знаками своими привечаешь?

— Я... — Женщина попятилась, уперлась спиной в стену. — Я... я пришла за помощью, колдун... За исцелением...

— Вот вы каковы, неблагодарные смертные, — вздохнул хозяин пещеры. — Коли жертвы приносить — в святилища с золотыми куполами ступаете, а как занедужили — враз к кровным богам бежите? Отчего же так, боярыня? Пришлым богам бы и кланялись... Отвернись.

Гостья послушно отвернулась к стене, вскинула ко лбу руку, но спохватилась, опустила. Жалобно пролепетала в сухую глину:

— Я молилась, колдун. И жертвовала, и молилась истово, и постилась, и милостыню раздавала. Ничто не помогает...

— Колдун... — за самой спиной услышала она и испуганно развернулась.

Хозяин пещеры оказался стариком невысоким — едва доставал ей до подбородка, — безусым и безбородым, с белым морщинистым лицом. На плечах его лежал серый суконный балахон, подвязанный кожаным ремешком с двумя ножами и вышитым кисетом, над ремешком не очень сильно, но заметно выпирало брюшко.

— Колдун... Слов иных не знаешь, боярыня? Молвила бы «волхв» — ведомо тебе сие слово? Али на худой конец ведомом бы нарекла. Небось, мудрецами токмо пришлых жрецов чтишь?

— Прости... Лютобор, — нашлась гостья. — Мудрый Лютобор...

— И то складно, — похвалил колдун, вытянул руку и провел ладонью женщине от лба до низа живота. Та попыталась отпрянуть, но уперлась спиной в стену. — Рот открой, страдалица.

Гостья открыла было рот, но тут же спохватилась, захлопнула его, вскинула сжатые пальцы ко лбу — и опять в последний миг опомнилась и остановила руку.

— Есть хворь у тебя, есть, женушка, — кивнул старик. — Да не столь велика, чтобы по всеям бездонным с нею шастать. Живо чрево твое, да больно лениво. Спит, не добудились добры молодцы.

— Сын, сын у меня наверху, мудрый Лютобор, — замахала руками на лестницу женщина. — Уж вторую седмицу, как немощен стал. Горяч, беспамятен. Потом исходит, нешто в парилку попал. Не ест ничего, насилу водицей поить удается. Спаси мне сына, мудрый Лютобор. Спаси — чем хочешь, отплачу! Все, что пожелаешь, все исполню!

— Что пожелаю? — прищурился на нее колдун. — Коли так, то желаю бор за Удраем в свое владение, дабы лесорубы да бабы-ягодницы не досаждали, да еще гору, что Сешковской ныне кличут. От вашей усадьбы аккурат с полверсты до нее будет. Ту, на которой под полнолуние смех да песни слышны.

— Как же я тебе отдам сие, Лютобор? — отпрянула женщина. — То же не мое, то князя Друцкого земли будут!

— Отчего же обещаешь, чего дать не можешь, глупая баба? — отчитал боярыню старик. — Помысли поперва, а уж потом словами кидайся клятвенными.

— Серебра, золота отсыплю, сколь спросишь. Что есть, все отдам. Исцели сына, мудрый Лютобор! Исцели, матерью твоей заклиная!

— На что мне серебро твое, боярыня? — хмыкнул колдун. — В очаге его не разожжешь, на плечи не накинешь, в горшке не сваришь. Что проку мне с такой награды?

— Сын... наверху... — Гостья уже не знала, что и пообещать, в ее голосе зазвучали слезы. — Исцели сына, Лютобор. Милости у тебя прошу. На тебя все указывают. Сказывают, ты все можешь. В тебе сила великая есть. Коли пожелаешь, так и мертвого оживишь. А уж немощного к свету вернуть тебе — что на воду дунуть. Спаси его, Лютобор. Спаси кровинушку мою, радость единственную. Спаси...

Старик поджал губы, отчего те совсем побелели и стали светлее кожи, развернулся, отошел к куче хвороста, выбрал пару сучьев, провел ими над очагом. Сухое дерево тут же затрещало огнем. Одну из деревяшек колдун кинул на угли, с другой двинулся к лестнице:

— Ладно, боярыня, неча тут сырость разводить. Показывай отрока своего. Може, и придумаю чего. Мертвого не оживлю, а на живого, коли роду не чужого, крови нашей, найдем снадобье верное. Внука Сварожьего Маре не отдам, не для того ныне небо копчу...

Возле малинника гостя выпутала из кустарника поводья своего скакуна, отвела его в сторону, вернулась назад и принялась распускать ремни, что удерживали недужного паренька на широкой спине заводной лошади.

— Оставь... — Колдун положил ей руку на плечо, отодвинул просительницу в сторону, повернул голову хвораго мальчишки к себе, открыл ему рот, посветил туда факелом, потом приподнял больному веко, недовольно цокнул языком: — Что же не шла так долго, боярыня?

— Молилась я, мудрый Лютобор. И сама, и молебны за здравие заказывала...

— Молитвы хороши, — буркнул себе под нос колдун, — да к ним иной раз и отвар целебный не помешает.

Старик ловким движением снял с факела язычок огня, повел его над телом больного. Над животом паренька огонь потух, превратился в округлый сизый дымок, устремившийся ввысь. Колдун повторил ритуал еще раз — и с тем же результатом. Мудрый Лютобор тихо зарычал, с силой провел ладонью по лицу, повернулся к женщине:

— Прости, сестра, нет во мне силы, чтобы сына твоего вернуть. Он ушел. Ныне уж поздно. Прости.

— Нет... — Гостя подступила ближе, схватила его за плечи, с неожиданной горячностью затрясла: — Нет, нет, колдун! Нет, не говори этого! Верни мне его, колдун. Отдай! Отдай Андрейку моего, отдай! Ты ведь можешь, колдун! Я знаю, можешь!

— Поздно, сестра, — с удивительным спокойствием снес ее выходку хозяин пещеры. — Ушел он от нас, женщина. Ушел. Плоть наша земная — лишь сосуд души. Нет души — ни к чему и вместилице. Вот и угасает плоть его смертная. Нет в ней надобности. Никто уста не отверзает, никто членами не шевелит, никто чресла не тревожит. Нет души, нет человека. Ушел твой сын, бедная моя. Украла, видать, его Божиня Ледяная. Ушел, нет его боле с нами. А ныне и плоть в небытие отправляется.

— Нет! Нет, не надо, колдун! Не оставляй, не отказывай мне, колдун, мудрый Лютобор, не гони... — Голос матери прервался, она

упала перед стариком на колени, лоя его свободную от факела руку. — Пощади меня, колдун! Чрево мое иссохло, не тяжелеет оно от ласк мужниных. Сколько лет дитятю вымаливали, да токмо одного родить и смогла. Нет иного у нас ребеночка, кроме Андрея! Спаси его, мудрый Лютобор! Верни его! Что мужу скажу, когда со службы государевой вернется, как оправдаюсь, что кровинушку нашу единственную не уберегла?! Что со мной, что с ним, что с нами будет, колдун? Кто глаза нам в старости закроет, кому добро наше оставим, кто род наш древний продолжит? Верни, верни мне его, колдун. Мою душу, мою жизнь забери, но мальчика мого возверни! Нет детей — зачем жить, колдун? Верни его мне, мудрый Лютобор, не то и я рядом с ним тут останусь, руки на себя наложу...

— Нет детей, нет детей... — стряхнул с себя ее руки хозяин пещеры, отступил на шаг. — А на пашне поднятой зачинать пробовали? Хлебами опоясывались? Зарю на Иванов день встречали? Заветов не чтите предков ваших, а опосля на чрево плачетесь? Откуда чреву взяться, кроме как не от бабок ваших перейти?

Женщина, потеряв опору, ткнулась лбом в глину, плечи ее продолжали вздрагивать. До колдуна доносились только обрывки ее мольбы: «верни...», «кровинушка...», «единственный...», «прервется...»

— Ну, род, скажем, может, и не прервется... — Старик пожевал губами, повернулся к пареньку, снова снял с факела огонек, посадил его хворому на грудь. Огонек горел ровно, уверенно — пока колдун не смахнул его на землю. — Род, положим, я тебе сохранить помогу... Могу помочь. Семя — оно ведь не в душе, а в плоти земной растет. Плоть от плоти, кровь от крови... Плоть, душа. Душа ушла, юдоль пуста... Нет души, нет жизни...

Женщина затихла, прислушиваясь к непонятному бормотанию.

— Слушай меня, несчастная, — наконец заговорил с ней колдун. — Плоть без души мертва. Хотим сохранить плоть и семя рода вашего — надобно душу ребенку твоему сыскать.

— Где же я возьму ее, мудрый Лютобор? — не вставая с коленей, прошептала гостя.

— Тебе и не найти, несчастная, — покачал головой старик. — Душа не чужая надобна, а родная. Чтобы под теми же звездами появилась, тем же путем росла, теми же глазами смотрела. Пусть не та, но чтобы плоть ее не отвергла. Чтобы и года те же имела, и родичей, и крови не чужой, и ростом не отличалась, и жилами,

и костями. И отцом с матерью. И боль чтобы ты же испытала, в тот же час и день от зачатия своего, и заметалась между долинами черными и зелеными. Чтобы жаром реки Смородины согрелась, что под Калиновым мостом. Тогда плоть его признает, примет. Будет тогда тебе мальчишка, плоть от плоти из рода вашего, и семя у него будет ваше, не свое. Понимаешь ли ты меня, несчастная?

— Ты вернешь мне Андрюшу? — с надеждой спросила боярыня.

Колдун разочарованно вздохнул.

— Шесть вихрей, шесть огней, шесть слов заветных пошлю. Коли найдут душу, коли выдуют, коли выманят, коли к месту заветному приведут... Знамо, тогда и спытаем дело наше. Будет мужу твоему сын, а роду — продолжатель. Найдут ли?

— Хочешь, я отдам тебе свою душу, мудрый Лютобор? — опять предложила гостья.

— На что мне душа твоя? — отмахнулся старик. — Я же не Мара Ледяная, у меня полей и царствия своего нет. И мальчишке бабья душа не к месту. Ему надобна та, что неотличима окажется... Найду ли? — Колдун вздохнул: — Снимай, клади чадо на камни сии. Головой на черный валун, спиной на красный, ногами на серый. Я покамест за мазью и снадобьем схожу. Опречь трава мне и свечи понадобятся. Ты воска пчелиного прихватить не догадалась? Плохо, у меня совсем кончился. Но на сей раз, мыслю, достанет. И сало барсучье... Крылья... крылья... Ничто, пером обойдусь. Шесть перьев, шесть вихрей, шесть сторон...

Припоминая вслух нужные для предстоящего ритуала составы и атрибуты, мудрый Лютобор скрылся в пещере. Женщина же, облегченно утирая слезы, принялась освобождать сына от ремней...

Барчук

Он как раз входил в вираж, преследуя пирата. Грубоватый, словно слепленный из картонных ящиков, «F-22» выплескивал два длинных, желтых снопа пламени, но даже отчаянный форсаж не мог спасти воздушного разбойника. Ближе, ближе, ближе... Он видел раздвоенный хвост американца совсем рядом, казалось — можно было достать до него рукой, но на панели приборов все равно никак не загорались лампочки, сигнализирующие о захвате цели. Андрей повернул своего «Бизона» еще немного, скинул предохранитель на штурвале, со всей силы вдавил гашетку. Истребитель